

Когда-то у Чжили был младший брат. Не упав он в двенадцать лет по неосторожности в пруд, сейчас рос бы сверстником Цзин Юньшу.

Будучи на несколько лет старше Цзин Юньшу, она прекрасно знала свое место. Когда молодой господин попытался сосватать ее в хорошую семью, Чжили лишь покачала головой: подобные мечты она давно оставила. Ей хотелось лишь одного — просто и тихо оставаться рядом. Если господин не побрезгует ее обществом, она с радостью посвятит ему всю жизнь. С ее-то тяжелой судьбой связывать себя узами с кем-то другим — только людям жизнь портить.

Цзин Юньшу всегда тонко чувствовал чужую душу. Проявив чуткость, он больше не бередил эту рану.

Чжили бережно расправила складки на его одеянии и опустила глаза, пряча нахлынувшие мысли. Рядом с молодым господином жизнь с каждым днем становилась все краше. Она умела ценить дарованное судьбой благо: приходя в храм воскурить благовония, всегда молила небо лишь о здоровье для господина и о возможности подольше служить ему. Этого ей хватало с лихвой.

Чжун И, при всей своей боевой закалке, состоял из плоти и крови, а значит, холод чувствовал не хуже прочих. Он прекрасно знал: если уж Цзин Юньшу решит прогуляться, то его природная праздность возьмет свое. Молодой господин шагал не торопясь, и такое путешествие затягивалось обычно на полдня. Город Юньань хоть и располагался на юго-западе, но из-за высокогорья зимы здесь выдавались на редкость суровыми. Торчать часами на пронизывающем ветру — удовольствие сомнительное, к тому же телохранителю следовало держать мышцы в тепле, чтобы в случае опасности тело не подвело из-за онемения. Поэтому Чжун И без лишних раздумий облачился в плащ, сшитый по особому заказу Юньшу. Это было легкое, стеганое одеяние с отложным воротником, скроенное на манер просторных варварских рубах с укороченными рукавами — набитое тончайшим хлопком и подбитое мягкой оленьей кожей. Тепло и движениям не мешает.

Цзин Юньшу не терпел лишней жестокости и тяжелой, пугающей ауры, ведь на улицах им чаще всего попадались простые обыватели. Ради этого клинок Чжун И прикрывали плотной холщовой оберткой, оставляя на виду лишь рукоять за спиной — чтобы при случае выхватить без заминки. К слову, само оружие тоже претерпело немало изменений с подачи молодого господина.

В эти времена воины все еще сражались прямыми клинками типа танских хэндао. Прямой меч годился разве что для рубящего удара, колоть им было неудобно, да и ломался он при должном усилии на раз-два. Лишь много позже, переняв изгиб персидских сабель, кузнецы создали прообраз изогнутого палаша с расширенным у набалдашника концом — того самого грозного оружия, что так любят изображать в уличных театрах.

Но Юньшу пошел дальше: объединив лучшие черты холодного оружия из разных исторических эпох, он сделал клинок матовым, тускло-темным, не дающим демаскирующих бликов. На обухе появилась зловещая пила, а вдоль полотна пролегли глубокие желоба-долы. Теперь при ударе плоть не засасывала сталь мертвой хваткой из-за разницы давлений, а само ранение

становилось смертоносным. Казалось бы, сущая мелочь, но в обычном течении истории на такие доработки уходят века. Убойная сила оружия возросла многократно.

Чжун И влюбился в этот проект еще тогда, когда Юньшу только набрасывал его на бумаге. Для мастера боевых искусств клинок — вторая правая рука, и толк в хорошей стали он понимал как никто другой. Юньшу велел выковать целую партию разного веса и длины, позволив Чжун И отобрать идеальный экземпляр. Оставшиеся клинки пошли на награду верным людям — Сан Се и Чжан Ци, а самый легкий молодой господин повесил у себя в изголовье на случай незваных гостей.

Из соображений осторожности — все-таки оружие предназначалось для убийства, и мало ли какие беды могло навлечь в будущем — на металле не оставили никаких опознавательных знаков или клейм оружейника. Единственное исключение сделали для Чжун И: на рукояти его клинка красовалось гордое имя — «Тёмная луна». Впрочем, вырезать эти знаки молодому господину было лень, и он спихнул работу на самого телохранителя. Одарить человека вещью, да еще заставить его самого доводить подарок до ума — в этом сквозило чистое нахальство, столь свойственное Цзин Юньшу.

Великое государство Чжао вобрало в себя обычаи множества покоренных земель и унаследовало пестроту рухнувшей империи, отчего и в наряды царило немыслимое разнообразие. Нынче в фаворе у столичных щеголей были практичные кафтаны с круглым воротом и узкими рукавами, не стеснявшие движений. Однако Цзин Юньшу упорно предпочитал широкие одеяния времен Вэй и Цзинь — струящиеся и дарящие телу непередаваемый уют.

Вот и сегодня для прогулки он выбрал длинный шелковый халат лазурного цвета, по которому серебряной нитью вились узоры в виде облаков. Рукава, правда, поуже обычного кроили — все-таки на дворе стояла стужа, и завывающий ветер мигом бы выдул все тепло, — но все же они заметно превосходили по ширине чужие обшлага. Простому люду облачатся в такой драгоценный шелк строжайше запрещалось законом, сколь бы тугим ни был их кошель. Но Цзин Юньшу пользовался всеми благами своего положения благодаря высокопоставленному отцу. Рассуждая здраво, молодой господин пришел к простому выводу: иметь влиятельного родителя — это самый надежный и скорый путь к комфорту в любые времена.

Большинство мужчин в те времена тщательно укладывали волосы в тугие узлы, однако Юньшу ограничился тем, что перехватил пряди у самого затылка шелковой лентой с белой нефритовой бляшкой, отчего они свободным хвостом ниспадали на плечи. Редкие прохожие, завидя его, лишь качали головами: «И откуда только взялся этот изнеженный, холеный щеголь?» — столь утонченным и лениво-праздным казался его облик.

Спрятав ладони в глубокие рукава, Цзин Юньшу согревал пальцы о любимую нефритовую грелку с ушками зверя. Хрустя свежим, нетронутым снегом, он неторопливо покинул усадьбу. То ли в нем до сих пор играло ребячество, то ли из чистого каприза, но расчищенную слугами дорожку он старательно обходил стороной, предпочитая ступать по глубоким сугробам.

— Осторожнее, молодой господин, не ровен час поскользнётесь, — нахмурился Чжун И.

— Не глупее тебя, сам вижу, — отмахнулся Цзин Юньшу.

Но едва он успел договорить, как нога его поехала. Чжун И мгновенно среагировал, подхватив его под локоть. Юньшу опустил взгляд: под слоем пушистого снега притаился чей-то выброшенный увядший капустный лист.

Цзин Юньшу недовольно поморщился. Искушать судьбу и дальше, рискуя растянуться посреди улицы на потеху зевакам, не хотелось, а потому он благоразумно перебрался на чищеную тропинку. Бросив быстрый взгляд на Чжун И, он попытался уловить тень насмешки, но лицо телохранителя, как всегда, оставалось бесстрастным, точно маска.

Чжун И, уловив этот взгляд, негромко обронил:

— Если не хотите чужих смешков, ступайте как положено.

Юньшу вздернул брови, пытаясь спасти остатки авторитета:

— Это еще почему я иду не как положено? Разве под моими ногами не дорога?

Состязаться с господином в красноречии было делом гиблым, так что Чжун И просто промолчал. Вскоре они вышли к базарной площади. С лотков уличных торговцев валил густой пар — прохожим наперебой предлагали обжигающий суп с домашней лапшой.

На этих юго-западных окраинах персидские и арабские купцы встречались редко. Зато попадались темнокожие южане и немало выходцев из горного царства Юйцзан, хотя из-за сурового климата большинство местных жителей все же составляли переселенцы из Срединных земель.

Время от времени мимо важно вышагивал навьюченный верблюд, ведомый хозяином, а следом за ним с восторженным пискom бежала детвора, мечтая хоть пальцем коснуться невиданного зверя.

— Танхулу! Свежие, сладкие танхулу подходите брать!..

Цзин Юньшу замер и обернулся на звонкий голос. Неподалеку уличный разносчик в простецком холщовом кафтане катил тележку с соломенными безделушками. Сверху в деревянный шест были воткнуты палочки с нанизанными на них алыми ягодами боярышника в блестящей сахарной глазури — штук по пять на каждой.

«Надо же, — удивленно подумал Юньшу. — Это ведь...»

Рецепт танхулу он завез в этот мир гораздо раньше положенного времени. Поначалу лакомство

подавали исключительно в его собственных заведениях в Западной и Восточной столицах. Кто бы мог подумать, что рецепт умыкнут уличные торговцы и разнесут до самых окраин? Впрочем, предъявлять права на изобретение Юньшу не собирался — происходящее его скорее забавляло.

Мелкие торговцы всегда отличались завидной хваткой. Продавал он сладости явно недорого — тележку плотным кольцом обступила детвора, восторженно пуская слюни, пока малыши помладше настойчиво дергали родителей за полы халатов, выпрашивая заветную палочку.

Выудив у Чжун И несколько медных монет, Цзин Юньшу тоже купил одну палочку. Он надкусил верхнюю ягоду: кислый сок смешался со сладостью карамели, приятно холодя зубы. Вкус оказался вполне сносным.

— Сахар передержали, липнет к зубам, — со знанием дела резюмировал Юньшу и тут же сунул лакомство под нос телохранителю: — Будешь?

Чжун И мотнул головой, уклоняясь от липкой сладости, и поспешил скрыться за тяжелой войлочной завесой лечебницы. Глядя на его поспешное бегство, Юньшу лишь хмыкнул и с улыбкой шагнул следом.

Когда лечебница только открывалась и пришло время заказывать вывеску, Цзин Юньшу спросил у старого лекаря, как назвать заведение. Может, просто «Лечебница Циня»?

Цинь Юнван поразмыслил немного и изрек:

— Пусть будет «Лечебница Ванцзи».

Юньшу тогда искренне восхитился: надо же, какая тонкая поэтическая натура скрывается за суровым нравом лекаря! Ведь на слух это название звучало в точности как «Лечебница Забвения». И лишь позже, увидев иероглифы на доске, он понял, что просчитался: хитрый старик просто взял иероглиф «ван» из собственного имени.

Внутри пахло сушеными травами и горькими отварами. У высокой стойки с аптекарскими шкафами толпились четверо покупателей. Чуть поодаль, за невысокой бамбуковой изгородью, виднелся чистый помост с циновками и низким столиком, предназначенный для осмотра больных.

Не обнаружив лекаря в приемной, Цзин Юньшу вознамерился пройти во внутренний двор. Распорядитель лечебницы, заметив вошедшего и признав в нем хозяина, отложил конторские книги и поспешил навстречу, низко кланяясь:

— Приветствую молодого господина.

— Лекарь Цинь у себя? — поинтересовался Юньшу.

Получив утвердительный ответ, он жестом отпустил распорядителя и обогнул тяжелую ширму. Чжун И, как и следовало ожидать, вырос у входа во внутренние покои, охраняя покой хозяина. Юньшу довольно улыбнулся.

За долгое время они научились понимать друг друга без слов. Юньшу уверенно зашагал по переходу, а телохранитель бесшумной тенью пристроился следом, держась на полшага позади.

Однако праздный ум молодого господина требовал развлечений. Он вновь развернулся к угрюмому спутнику, суя палочку с танхулу прямо ему под нос:

— Ну же, упрямец, откуси разок! Вкус — пальчики оближешь.

Чжун И окатил его ледяным взглядом и, видя, что тот не отступится, выговорил с заметным вздохом:

— Молодой господин...

Понимая, что злоупотреблять терпением верного защитника не стоит, Юньшу вовремя пошел на попятную. В крошечном внутреннем дворике копошились ученики Цинь Юнвана: пользуясь сухой погодой, они бережно выкладывали на просушку целебные травы и корни.

Заметив вошедшего, подмастерья побросали плетеные корзины и поклонились в пояс:

— Молодой господин.

Цзин Юньшу благосклонно кивнул им в ответ.

Войлочный полог в дверях главного дома подвязали повыше, чтобы не мешать переноске тюков с зельями. Цзин Юньшу высматривал лекаря, как вдруг из глубины комнат с бамбуковой метлой в руках вышел рослый, широкоплечий мужчина. На нем был простой, плотно прилегающий кафтан, подчеркивающий крепкое телосложение. Черты его лица некогда были правильными и даже мужественными, но теперь их безжалостно перечеркивал уродливый багровый шрам. Этот страшный след, похожий на жирную сороконожку — то ли от ожога, то ли от рваной раны, — тянулся от самой переносицы к правому уху, деля лицо надвое. Даже при ясном свете дня от этого зрелища бросало в дрожь.

Зато взгляд незнакомца оставался на редкость живым — глубоким и цепким, словно горное озеро.

От неожиданности Юньшу невольно вздрогнул и отступил на шаг назад, налетев спиной на

Чжун И. Телохранитель мгновенно подхватил его под локоть, не дав потерять равновесие.

Незнакомец тоже опешил, не ожидая встретить кого-либо в дверях. На мгновение он застыл, завороченно глядя на стоявшего перед ним юношу. Облаченный в дорогие лазурные одежды Цзин Юньшу казался нежным изваянием посреди заснеженного двора. Темные, как вороново крыло, волосы выгодно оттеняли бледную, почти прозрачную кожу, а изящные черты лица казались нарисованными кистью мастера. В его глубоких глазах, точно в чистой воде, отражалось солнце, а губы алели, подобно зимней сливе. От этого неземного облика трудно было отвести взор.

Поймав ответный изумленный взгляд Юньшу, мужчина опомнился и поспешно отвернул голову в сторону, пытаясь спрятать уродливую отметину.

Цзин Юньшу мысленно обругал себя за бестактность. Этому несчастному с изувеченным лицом наверняка и так хватало косых взглядов и брезгливости со стороны толпы. Справившись с замешательством, Юньшу негромко кашлянул, отвел глаза и вежливо сложил ладони в приветствии:

— Прошу простить мою неловкость. Совершенно не ожидал встретить здесь кого-то.

Мужчина торопливо поклонился в ответ, но не проронил ни слова. Сжимая в руках бамбуковую метлу, он поспешил обогнуть гостей и сошел во двор, принявшись усердно расчищать снег. Лишь пунцовые кончики ушей выдавали его крайнее замешательство.

Один из подмастерьев поспешил шепнуть:

— Этого бедолагу учитель спас пару недель назад. Идти ему некуда, вот он пока и ютится у нас. Наставник велел ему побольше двигаться для скорейшего затягивания ран, так он теперь за любую работу хватается, весь двор вычистил.

Цзин Юньшу с пониманием кивнул. Бросив взгляд на занавешенную дверь, он спросил:

— А сам лекарь где? Он ведь у вас старик одинокий, пришел забрать его с собой в Янчжоу на праздники.

—...

«Одинокий старик» собственной персоной с постной миной и недовольно вытаращенными глазами неторопливо вошел во двор через круглые садовые ворота. На его сухом лице читалось явное раздражение.

— Коли я одинокий старик, то мне что здесь Новый год встречать, что в дороге — разницы никакой, — ворчливо отозвался Цинь Юнван. — Так что не стоит молодому господину

утруждать себя заботами о моей дряхлой персоне.

<http://bllate.org/book/18296/1758895>